

Последнее путешествие Гоголя

Оптина пустынь в судьбе великого писателя

Пролог

Весной 1850 года к городу Малоярославцу Калужской губернии подъехал тарантас. В тарантасе сидел некий господин. Длинные, но аккуратно прилаженные его волосы с левой стороны были разделены пробором, неприятный рот украшен тонкими усиками, нос большой, острый и вполне соответствует прочим резким чертам лица, темные тени под глазами вроде тех, что окружают глаза романтических героев немого синемаатографа.

Господин выходил из тарантаса, собирал полевые цветы для гербария, а также украшал ими сиденье, рессоры и крылья тарантаса. При этом господин никогда не расставался с толстым, набитым рукописями портфелем, к которому был прикреплен медный прямоугольный картуш. На картуше было выгравировано — "Николай Гоголь".

В Малоярославце Николай Васильевич остановился в гостинице при почтовой станции. Гостиница была известного рода, с несвежими бумажными обоями, тараканами, клопами и бьющим наповал терпким запахом суточных щей. То есть именно такая, какие бывают гостиницы в губернских городах.

На ужин к городскому голове Гоголь явился все с тем же портфелем, за полным рукописями, и, сев за столом, расположил его на коленях.

— Николай Васильевич, разрешите я прикажу отнести ваш портфель в прихожую! — воскликнул польщенный визитом великого писателя хозяин.

— Помилуйте, как можно, ведь это же мои рукописи! — совершенно искренне изумился писатель.

На следующее утро Николай Васильевич посетил Никольский монастырь города Малоярославца. А затем, напившись у игумена чаю и получив у него образ Николая-угодника, отправился в Калугу, откуда он собирался совершить паломничество в Оптину пустынь.

Основателем этой древней калужской обители, по преданию, был прежний гроза здешних думачих лесов Отта, да своего обращения ко Христу почитавшийся жестоким предводителем шайки станичников. Однако милосердие Божие благоволило вызвать грешную душу, и недавний еще вождь душегубцев стал руководителем и отцом истинного инокства.

В XVIII веке монастырь Оптины Введенская пустынь пришел в полное запустение, в конце столетия в нем оставались только три монаха, из которых один был слепой.

Однажды, объезжая свою епархию, митрополит Московский Платон (Левшин) пленился прекрасным местоположением обители, стоявшей на пологом берегу реки Жиддры, и решил восстановить ее. Тогда же, в 1821 году, схимники Моисей и Антонием (Тутлиновыми) при монастыре был основан Иоанно-Предтеченский скит, где, как сказано в описании скита, "иноки, ищущие более уединенной, строгой, молитвенной жизни, находили бы удовлетворение этой своей потребности".

Посещение

Последние две версты до монастыря Гоголь проделал пешком, чтобы почувствовать себя настоящим странником-богомольцем. По прибытии же в Оптину пустынь Николай Васильевич немедленно направился на службу во Введенский собор.

По свидетельству очевидцев, на своем первом вечернем бдении в монастыре Гоголь молился "весьма усердно и с сердечным умилением".

Меж тем это было не первое паломничество Гоголя.

В 1848 году в тайне от всех он совершил молитвенное путешествие во Святую землю.

Из письма Н.В.Гоголя В.А.Жуковскому: "Мое путешествие в Палестину точно было совершенно мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика черствость моего сердца. Друг, велика эта черствость. Я удостоился провести ночь у гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от Святых Тайн, стоявших на самом Гробе восточного алтаря. И при всем том я не стал плакать! Тогда как все земное должно было бы мне стонать и остаться одно небесное".

Гоголь, томимый страстями, сомнениями, страхами, как будто не мог забыть слов Биосариона Беллинского, обращенных к нему: "Нет, вы только омрачены, а не просветлены. Вы не поняли ни духа, ни формы христианства".

Вполне возможно, что в Россию Гоголь вернулся с неутоленным желанием именно понять дух и форму веры. С этим желанием он и отправился в Оптину Введенскую пустынь.

Выбор Гоголя был неслучаен. Дело в том, что в XIX столетии именно в Оптиной пустыни возрождается старчество.

В православной традиции старцем почитается монах или священник, исполненный Духа Святого, ставший для других наставником и своеобразным водителем на пути к духовному совершенству.

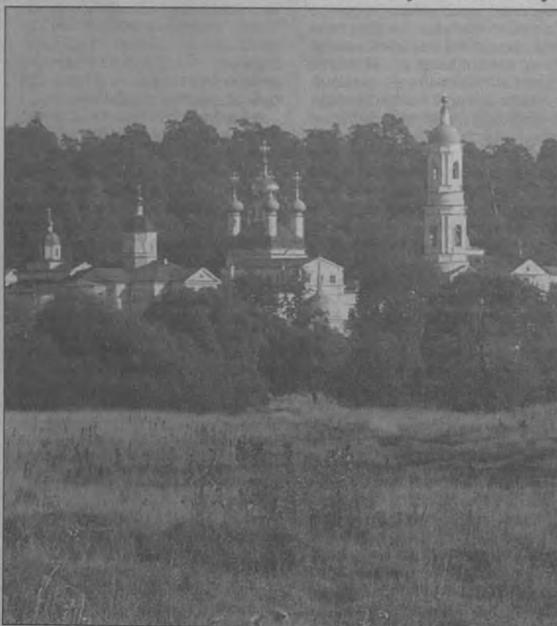
Старец невольно притягивает к себе всякую душу, ищущую Бога, так как в нем самом, в его поступках, речах, мыслях, в его служении ощущается присутствие Божие.

Старчество как духовное явление было введено святым Паисием Величковским, и среди иноков Оптиной пустыни было немало его учеников и собеседников.

В 50-е годы XIX столетия наиболее ярким представителем именно русского, Оптинского старчества стал отец Макарий (Иванов).

Отец Макарий происходил из старинного дворянского рода. Был он слабого сложения, некрасив, обладал мягким и кротким характером, а также многими эстетическими наклонностями, знал и любил церковное пение, любил цветы, имел склонность к ученым кабинетным занятиям. При этом не только души врачевал старец, помазая елеем из лампады, Макарий приносил великую пользу больным, и случаи таких исцелений были широко известны.

Весной 1850 года Николай Васильевич

Оптина Введенская пустынь

Кельи старцев в Иоанно-Предтеченском скиту

евич провел в Оптиной пустыни всего три дня.

В эту поездку и произошла первая встреча Гоголя со старцем Макарием.

Рано утром, еще до службы, Гоголь вышел из монастырской гостиницы, в которой остановился, и направился в скит. Батюшка Макарий находился в это время в своей келии и, быстро ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: "Волнуется у меня что-то сердце, точно что-то необыкновенное должно свершиться, точно ждет оно кого-то!"

После этих слов скитский привратник доложил: "Прибыли Николай Васильевич и просят вашего благословения". К сожалению, история не сохранила подробностей разговора, происшедшего между Гоголем и отцом Макарием. Известно лишь одно — старец не одобрил литературной деятельности своего собеседника, считая ее лукавой и небогоугодной.

Пунктом, что Оптину пустынь Николай Васильевич покидал в смятенном состоянии духа.

Вероятно, тогда, как и всегда в трудную минуту, он вспоминал Пушкина, перед гением которого он преклонялся и дружкой с которым дорожил.

Смятение

Впервые в Петербург Гоголь приехал в декабре 1828 года.

Приезд в столицу был омрачен сильной простудой, которая усугубилась тем, что Гоголь отморозил себе нос. 350 рублей сразу же были истратчены на новую одежду, однако первое, что сделал Гоголь, приехав в столицу империи, нанес визит к Пушкину, с которым он не был знаком.

Сам не зная как, Николай Васильевич очутился на Мойке перед домом, где жил поэт. Однако внимание было столь велико, что Гоголь вновь вернулся на Невский и, зайдя в кондитерскую, одним духом выпил восемь рюмок ликера. Друга хворабости.

Затем снова подошел к дому Пушкина и позвонил в дверь. Лакей лениво сообщил, что "барин нынче не принимает, потому как изволяет почивать". Пушкин на Петропавловской крепости отмерил полдень.

"Почивают в это время, — просто-душно удивился Гоголь, — верно, всю ночь работали!".

"Как же работали, в картишки играли", — прозвучало в ответ.

Дверь захлопнулась. Гоголь был потрясен.

В июне 1851 года Гоголь посетил Оптину Введенскую пустынь во второй раз.

"Я заезжал на дороге в Оптину пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать, видимо, там присутствует".

Осень и зиму Гоголь собирался провести в Москве, однако в сентябре 1851 года неожиданно для всех он вновь уехал в Оптину. Совершив тем самым свое последнее, как выяснилось позже, паломничество.

Именно тогда и произошла последняя встреча писателя со старцем Макарием.

В тот приезд Гоголь, не останавливаясь в монастырской гостинице, сразу прошел к старцу в Иоанно-Предтеченский скит.

Макарий встретил своего посетителя довольно сдержанно. Многочасового разговора их происходил в кельяском корпусе при закрытых дверях. Уже тогда Гоголь показывал упадок духа и воли, был чрезвычайно взволнован и смятен, что не могло быть не замечено старцем.

Из ответа иеромонаха Макария (Иванова) Гоголю: "Мне очень жаль вас, что вы находитесь в такой нерешительности и волнении. Когда вы ощутите спокойствие, то будет знаком воли Божией. Примите от меня образок ныне празднуемого угодника Божия Сергия, молитвами его да подаст вам Господь здоровье и мир".

Именно в ту поездку Гоголь настоятельно просил старца принять его в обитель. Макарий ответил отказом.

Незадолго до смерти Гоголь говорил

своему близкому другу: "Ах, как много я потерял, как ужасно много потерял, что не поступил в монастырь, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит".

Москва

Николай Васильевич вернулся в Москву, на Никитский бульвар, в дом графа Толстого.

Здесь Гоголь занимал комнаты на первом этаже. Окна выходили на Никитский бульвар и во внутренний двор. Незыряя на внимание, который Гоголь был окружен в доме графа Александра Толстого, Николай Васильевич страдал от одиночества. Отка старца Макария постричь его в монашество явился для него страшным ударом, от которого он не оправился уже до самой смерти.

Каждый день Гоголь совершал прогулки — Никитский бульвар, храм Федора Студита, Большое Вознесение, Тверской бульвар, Страстной монастырь и обратно.

Молодые люди специально ходили на Никитский бульвар, чтобы посмотреть на великого безумца, что-то бормочущего себе под нос. Поклонники догоняли писателя и шли с ним рядом.

Впрочем, Гоголь не замечал ничего и никого.

Живя в Москве, Николай Васильевич был прихожанином храма Симеона Столпника. Именно в этом храме в последний год своей жизни он будет читать ежедневно до того момента, когда уже не сможет вставать с постели.

Мучительное, гнетущее одиночество писателя было результатом особую склада его характера. Казалось, что он способен был лишь испытывать возбуждение от творчества и меланхолию от неспособности писать. Иные же чувства были ему недоступны. Впрочем, он и не страдал от этого.

Существовали лишь два человека, которых Гоголь любил нежно и глубоко, — Мария Гоголь, мать писателя, и Александр Пушкин.

Из письма Николая Гоголя: "Маменька, говоря откровенно, кажется, еще ни одного вполне истинного утешения я не доставил вам. Простите, редкая великодушная мать, еще доселе недостаточное вас сына. Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хочу сохранить жизнь. Не огорчайтесь, добрая несравненная маменька. Этим перелом мне необходимо".

Считалось, что эта истеричная, суеверная, сверхподозрительная и все же чем-то привлекательная Мария Гоголь внушила сыну болезненную боязнь ада, которая терзала его всю жизнь.

Так, боязнь смерти доходила у Гоголя до гипертрофированных размеров. Именно поэтому он предпочитал спать, сидя в кресле, и никогда не ложился, боясь, что, уснув, он будет похож на мертвеца в гробу.

Еще Гоголь очень боялся, что его похоронят живым, и поэтому просил в случае его кончины обязательно дождаться следов разложения и на всякий случай оставить в его гробу специальную трубочку для дыхания. Что и было сделано...

Матфей

Незадолго до смерти Гоголь в изнеможении уснул на диване, однако, проснувшись, немедленно послал за приходским священником, просил тотчас причастить и соборовать его, потому что он видел себя во сне мертвым, слышал какие-то голоса и теперь почитает себя уже "не в живых".

Особенно в это время Гоголь нуждался в опытном духовнике.

И таким духовником стал отец Матфей Александрович Константиновский.

Отец Матфей, всю жизнь прослуживший в сельских храмах, был обычным приходским священником. По воспоминаниям современников, был он "невысоким ростом, немного сутуловат, у него были серые, никошало не красивые и даже не особенно привлекательные глаза, немного выходящие светло-русые волосы, довольно широ-

Святые врата Иоанно-Предтеченского скита

кий нос". Однако внешняя типичность отца Матфея была обманчива. Он обладал необычайной внутренней силой.

Об отце Матфее рассказывали следующую историю, происшедшую с ним в Торжке.

Оказавшись в городе тяжело болен холерой, отец Матфей посетил могилу святой Иулиании Лазаревской. Могила оказалась вскрыта по причине ремонта некрополя. Отец Матфей спустился на самое дно могилы и, собрав комья глины и грязи, съел их.

Он совершенно выздоровел! Немедленно отец Матфей был схвачен и приведен к владыке, который грозил упрятать его в острог за учиненное им безобразие.

"Не верю, ваше преосвященство, не верю, потому как это слишком большое счастье пострадать за Христа. Я недостойн такой чести", — спокойно ответил задержанный. Озадаченный владыка отпустил отца Матфея и впрямь велел оставить его в покое.

Естественно, что на неуравновешенную, истеричную личность Гоголя отец Матфей имел огромное влияние.

Из воспоминаний отца Матфея Константиновского: "Гоголь был не прежний Гоголь, а больной, совершенно больной человек, изурнанный постоянными болезнями. Цвет лица его был землистый, пальцы опухли, вследствие тяжелых продолжительных страданий даже почтенный талант его угасал и даже почти угас. Это чувствовал сам Гоголь. И к страданиям тела присоединились внутренние страдания. Старость надвигалась, силы слабели, и особенно сильно преследовало его страх смерти".

В те дни Николай Васильевич страдал от меланхолической мрачности духа. Он никак не хотел видеть и ни с кем не желал общаться. Накинув на плечи шубу или испанский плащ без рукавов, Гоголь выходил в сад и быстро и сосредоточенно прохаживался здесь, что-то бормоча себе под нос. Затем он возвращался в дом и приступал к чтению духовных книг, которыми был заполнен его кабинет.

Писательство он уже почти не занимался...

Однажды отец Матфей был приглашен на обед в дом графа Александра Толстого. На обеде, разумеется, присутствовал и Гоголь. После долгой молитвы отец Матфей стал пересказывать жития христианских первоучеников. Рассказ этот так потряс Николая Васильевича, что он, не владея собой, вдруг закричал: "Довольно, оставьте, не могу далее слушать, слишком страшно!" И выбежал из столовой.

Заканчивалась Масленица, приближался Великий пост.

Из воспоминаний отца Матфея Константиновского: "Гоголь искал умиротворения и внутреннего очищения, и он старался избавиться от нее, но не мог. И я помог ему очиститься, ведь врачи не обвиняют, когда он по серьезности болезни прописывает больному сильные лекарства".

Болезнь

Еще со времен пребывания в Петербурге Гоголь страдал от многих, как он считал, болезней — частые простуды, ушные нагноения, головные боли, нервные расстройства, геморроидальные колики, воспаление кишечника.

Алексей Терентьевич Тарасенков — лечащий врач Гоголя — утверждал, что большинство этих недугов были придуманы его пациентом.

За несколько недель до смерти в доме на Никитском бульваре произошла одна из последних встреч Гоголя с его духовником отцом Матфеем Константиновским.

Встреча эта, можно утверждать, имела самые трагические последствия для Николая Васильевича.

"Стрежись от Пушкина, он был грешник и язычник", — потребовал тогда отец Матфей.

Услышав эти слова, Гоголь заплакал...

Началась Первая седмица Великого поста 1852 года.

Гоголь вспоминал Петербург, который он не любил.

1834 год. Октябрь. Адыонкт-профессор Санкт-Петербургского Императорского университета Николай Гоголь был постоянно болен.

Глова его по случаю сильнейшей простуды и по причине боли зубов была всегда перевязана белым платком.

Сам вид его, болезненный и даже жалкий, традиционно вызывал насмешки студентов и преподавателей университета.

Гоголь страдал.

Однажды на одну из его лекций, которые он читал полупешотом, весьма неразборчиво, пришли Пушкин и Жуковский. Николай Васильевич же явился в аудиторию, как всегда, с большим опозданием, начал бормотать что-то несвязное. Вдруг он увидел Пушкина и Жуковского и чрезвычайно сконфузился. Неожиданно для всех Гоголь стал рассказывать историю аравитян. В аудитории раздался смех, но потом воцарилось молчание. Лекция была блестящей!

По окончании лекции Пушкин подошел к Гоголю и пожал ему руку, сказавши: "Очень увлекательна! Своим удовлетворением высказал и Жуковский, снисходительно называвший Николая Васильевича "гоголек".

Гоголь был польщен.

Похвала Пушкина была для него высшей наградой.

Три года спустя, сразу после смерти Пушкина, Гоголь писал матери: "Маменька, дражайшая маменька, я знаю, вы один истинный друг мой. Верите ли, но невыразимая тоска врывается в сердце. С ужасом осматривался и разглаждал я свое ужасное состояние. Все совершенно в мире для меня чудно. Жизнь и смерть равно несносны. И душа не может даже отчета в своих явлениях".

Требование отца Матфея мучило Гоголя и вносило смятение в его сердце. Он боялся вступить в Великий пост, не уврачевав этой душевной раны. Теперь Гоголь уделял сну не более двух-трех часов в сутки, ночь он проводил в молитве, и довольно часто по утрам прислула обнаруживала Николая Васильевича лежащим в изнеможении на полу.

Тогда же Гоголь написал своему духовнику: "Милость Божия чинит молитвами посетила и меня — жестоко сердного. И сердцу моему захотелось вас благодарить крепко, так крепко. Мне стало жаль, что я не поменялся с вами шубами. Ваша лучше бы меня грела!".

Отказавшись от Пушкина, Гоголь, по сути, отказался от самого себя, от своего творчества, от всей своей жизни. Тогда же Гоголь перестал принимать пищу.

Только по временам просил пить и лопал по несколько капель воды с красным вином.

Пост

Ночью во вторник с 11 на 12 февраля 1852 года Николай Васильевич долго молился в своей комнате. В три часа утра он призвал своего спугу и спросил его: "Тепло ли нынче?" — "Свежо", — ответил тот. "Дай мне плащ, пойдем, мне нужно распорядиться", — сказал Гоголь. И он пошел со свечой в руках, крестясь в каждой комнате, через которую проходил. Придя в свой кабинет, расположенный в правой стороне дома, велел открыть дымоход как можно тише, чтобы никто не разбудил, и достать из шкафа портфель с рукописями. Когда портфель принесен, Гоголь вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных теосемкой, положил ее в печь и зажег свечой из своих рук.

"Барин, что это вы, перестаньте!" — закричал мальчик слуга.

"Не твое дело. Молись!" — последовал ответ.

Когда же дело было сделано, Гоголь шлепнул к себе в комнату, лег на диван и ушел к стене.

На следующий день на вопрос потрясшего Александра Толстого о состоянии Гоголя, Гоголь отвечал, что "рукописи сжег Сатана и он не сумел противостоять этому".

Из письма Николая Гоголя в Оптину пустынь: "Путь мой труден, дело мое такого рода, что без ежеминутной, ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо. И силы мои не только ничтожны, их нет без освежения свыше".

После отказа старца Макария постричь его в монашество, не говоря ни единого слова, Гоголь покинул скит и, заходя в монастырь, вышел к речке. Здесь было как-то по-особенному тихо.

Николай Васильевич стоял в полнейшем молчании и смотрел на воду...

Уже потом, вспоминая тот день, он скажет: "Мне сделалось как-то грустно".

Резкое ухудшение здоровья Гоголя заставило его московских друзей обратиться к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову). Владыка ответил незамедлительно, призвав Николая Васильевича умерить пост и в всем довериться приходскому священнику. Настоятель же храма Симеона Столпника, прихожанином которого был Гоголь, буквально со слезами на глазах умолял его вкушать пищу, прекратить самоичный пост, который больше походил на голодовку.

Но все было тщетно. Гоголь пил только воду, ночи проводил в молитве и постоянно произносил одну фразу: "Надобно же умирать а я уж готов и умру".

После уничтожения своих творений мысль о смерти, как близкой и необходимой, не оставляла его ни на одну минуту.

За усиленным напряжением последовало еще большее истощение. С той несчастной ночи он сделался еще слабее, еще мрачнее прежнего. Не выходил больше из своей комнаты. Не изъявлял желания больше никого видеть. На вопросы отвечал коротко и отрывисто, изумляясь при этом, "что это вы говорите, нужно ли рассуждать об этих вещах, когда я готовлюсь к такой страшной минуте".

Страсти

Когда же все средства и уговоры были исчерпаны и не принесли никаких положительных результатов, Александр Петрович Толстой решил на последний шаг. К Гоголю были приглашены лучшие московские врачи. Николай Васильевич лежал на кровати в халате и сапогах. Он был в забытьи. Уже неделю он не умывался, не причисывался, не переодевал одежды. Губы его шептались молитвы, в руках он сжимал четки. Рядом на стульях, на полу, на кресле были в беспорядке разбросаны длинные бумажки, исписанные большими буквами. На одной из таких бумажек были каллиграфически выведено: "Как поступить, чтобы признать, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок?"

На кровати прямо перед лицом Николая Васильевича стоял образ Богородицы.

Из заключения врачебно-медицинского консилиума: "Это был человек, как бы изурнанный до крайности чуждой или доведенный каким-либо продолжительным истощением до необыкновенного изменения. Все тело его до чрезвычайности похололо, глаза сделались тусклыми и впали. Лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голос ослаб, язык трудно шевелился от сухости во рту, выражение лица стало неопределенное, необъяснимое".

Когда же один из докторов прикоснулся к Гоголю, тот неожиданно закричал самым жалобным и раздражающим голосом: "Оставьте меня, не трогайте меня!", а потом шепотом добавил: "Как сладко умирать!"

"Принимая во внимание сидячий образ жизни больного, напряженную умственную его работу, вызвавшую прилив крови к мозгу, усиленное стремление умерщвлять тело совершенным воздержанием от пищи и нервическую горячку, консилиум предположил, что сознание больного не находится в натуральном положении, и постановил — да, надобно его кормить насильно!"

Может быть, так? "Возьмите барана, — продолжал он, обращаясь к Чирикову, — это бараний бок с кашей. У меня так, когда свинина, все свинью давай на стол. Баранина — всего барана тащи. Лусь — всего гуся. Лучше я съем двух блод, да съем в меру, как душа требует".

Нет, по-другому — когда доктора надавили ему на живот, который был так мягок и пух, что через него легко можно было ощупать позвонки, Гоголь закричал.

Страшные крики, доносившиеся из дома на Никитском бульваре, заставляли прохожих останавливаться, но кованые ворота и калитка во двор были наглухо закрыты.

Во время обследования пульса у Гоголя менялся скачкообразно, зрачки закатились, началось носовое кровотечение. Немедленно были поставлены пилюли. Гоголь боялся, что они упадут ему в рот, пытался сорвать их, но руки его крепко держали. Голову прижали едким спиртом, также было принято решение погрузить больного в теплую бульонную ванну. После окончания процедуры Гоголя без белья положили на кровать. У него начались судороги. На конечности ему были положены горчичники, на голову лед, в задний проход введено мыло. Гоголя заставляли выпить отвар алтейского корня с лавровишневой водой. "Что болит, Николай Васильевич? А? Говорите же!" — кричал один из участников экзекуции. Вопросы эти разносились по всему дому.

Гоголь молчал. Он находился в глубоком обмороке.

В двенадцатом часу ночи он пришел в себя и громко закричал: "Лестницу, скорее дайте лестницу!"

Процедуры продолжались. На его ноги поставили кушины с горячей водой, давали камолем, обкладывали все тело горячим хлебом, до утра в доме стоял пронзительный крик. Наконец дыхание Гоголя сделалось хриплым, еще более затрудненное, кожа покрылась холодной испариной, под глазами посинело, лицо заострилось, и он умер.

Гоголь лежал на столе, одетый в единственный сортух, который у него остался и в котором прежде ходил.

Служили панихиду. С лица его снимали маску. Уже успели осмотреть его шкафы, где не нашли ни исписанных тетрадей, ни денег. У него не осталось ничего...

Эпилог

Оставляя за собой облако пыли, тарантас с сидевшим в нем господином миновал Малоярославец и по старой Калужской дороге двинулся по направлению к Оптиной пустыни.

Совсем скоро он превратился в едва заметную точку на горизонте, которую можно было различить разве что с монастырской колокольни.

Но потом и это видение исчезло...

Максим Г